

**Николай
ПЕРЕЯСЛОВ**

г. Москва

Геннадий ИВАНОВ

ГОРИТ КОСТЁР

«Устроить мир по правде и любви...»

Геннадий Викторович Иванов относится к тому кругу поэтов, творчество которых надо читать не по отдельным его стихам, и даже не по газетным или журнальным подборкам, а желательно сразу в полном объёме – по такой, например, книге, как сборник его избранных стихотворений «Горит костёр», выпущенной в конце 2020 года в столичном Редакционно-издательском доме «Российский писатель». Эта книга не только даёт впечатление о подлинном размахе поэтических способностей этого автора, но ещё и открывает перед читателями истинную глубину его души и восприятие им окружающего мира. Потому что поэтическими образами и метафорами владеют сегодня многие из тех, кто называет себя русскими поэтами, а вот способность открыть перед читателями просторы своей души и Родины – даётся далеко не каждому.

Первое, что бросается в глаза при погружении в книгу Геннадия Иванова, это его искренняя любовь к малой родине – тем русским деревням и городкам, где прошли его детство и юность, а также той церкви Спаса в Бежецке, где ему на грудь когда-то повесили маленький блестящий крестик:

*В этой церкви меня крестили.
Здесь мои земляки уповали.
Рядом с церковью мама в могиле.
В этом храме её отпевали.*

*В этой церкви уютно и просто.
С ней отрадно могилам погоста...*

Стихи о родной русской земле и русских людях – это основа поэтического творчества Геннадия Иванова, который, можно сказать, на последнем отрезке своей жизни с особенной пронзительностью начал вдруг осознавать, что самыми важными для него являются такие простые вещи, как поле, небо, река, сад, деревенские люди, дети, церкви и, что самое важное, – Бог. И он пишет о своих простых, но очень важных для него человеческих чувствах: «Я люблю деревенские улицы – / Где гуляют заботливо курицы, / Где окошки глядят друг на друга / И всё близко – до речки, до луга...» А в стихотворении о есенинской родине селе Константиново он говорит: «Обыкновенное селение, / Поглуже многих на Руси. / Гусей и уток поколения / Гуляют шумно по грязи. // Здесь песни в воздухе не носятся / И ничего такого нет, / А всё же здесь когда-то осенью / Родился истинный поэт...»

Ну а в стихотворении «Тимониха» (родовая деревня Василия Ивановича Белова) он пишет: «На свете на белом, на небе ли – / Отрада в душе и покой! / Тимониха. Белые лебеди / Летят над беловской избой...»

Или же вот стихотворение «Родина», которое просто невозможно миновать, не проникнувшись его теплотой и любовью, его поистине целебным, материнским дыханием: «Родина... Свет за окошком. / Родина... Вьюга впотьмах. / И на болоте морошка, / И на просторе – размах. // Родина... Лист придорожный. / Родина... В беге времён – / Родина... Замысел Божий, / Что ото всех утаён».

А вот ещё какое прекрасное, простое, лёгкое и вместе с тем глубокое стихотворение, посвящённое жителям вымирающих русских деревень! Геннадий пишет о них не просто мимоходом, а как о своих самых родных и любимых бабушках: «Деревенских старух поздравляет Господь с Новым годом. / Ах, какие открытки прислал – погляди на окно: / неземным серебром нарисованы виды природы, / виды местности той, что увидеть потом суждено...»

Невозможно пройти, не вздохнув с тоской, мимо чудесного стихотворения о крестьянках, прядущих в своих избах лён. Читая его, понимаешь, какие сказочные нити связывают поэта с судьбой нашего великого народа-труженика:

*Где крестьянки лён прядут?
Только в памяти придут
Из какого-нибудь года,
Где в избе полно народа.
Там крестьянки лён прядут.
Там и пляшут, и поют.
Пашни там благоухают.
В сени ласточки влетают.*

*Там их гнёзда, там их детки.
Там и я сидел на ветке.
Там всё рядом, там всё близко.
Там луна сияла низко.
Там и гуси, там и галки...
Где же, где же эти прялки?
Так уж было суждено –
Прялки на небе давно...*

Геннадий Викторович не ищет в поэзии каких-то фантастических вывертов и необыкновенных метафор, главное для него – увидеть и услышать красоту и тишину русской земли, осознать свою необходимость в этом мире, а также направленную к нему доброту окружающего мира. Не гонясь ни за Евтушенко, ни за Вознесенским, ни за Высоцким, он пишет о том, что было в его личной жизни, что происходило с его друзьями и близкими, что сделалось частью его собственной судьбы.

А что было с его долгой судьбой? Что стало с его жизнью?

Всё это отчётливо выражается в его простых, но прекрасных стихотворениях, таких как: «Иду пешком из Ханино в Слепнёво, / Иду тележной узкой колеёй, / Я знаю жизнь и горькой, и суровой, / Но нынче это в недрах, под землёй. // Всё где-то там до времени таится / И жутко машет острою косою. / А здесь – ромашки, ветер на пшенице, / И я иду в рубашке и босой!..» Или же, как сказано в другом его стихотворении: «Вот проехали Кашин, до милого Бежеца / Ос-

таётся немного. А там уж, а там – / Хоть недолго в лучах буду радостных нежиться, / Признаваться в любви буду многим цветам». А то ещё в таком стихотворении о бане, в котором Геннадий говорит: «Ковш Большой Медведицы над баней. / Отдышаться вышел я на снег... / Где-то должен после всех скитаний, / После всех исканий и метаний / Отдышаться в мире человек».

Но отдышаться от клокочущей жизни нелёгкого двадцать первого века невозможно даже в принципе, а если бы и хотелось отсидеться от всех передраг в какой-нибудь ветхой деревушке, то жизнь всё равно вытасчит нас на свет через все бездорожья и колдобины, и протащит по всем побережьям и рекам, перелескам и горам, городам и республикам. Книга Геннадия Иванова – это неистощимый перечень населённых и географических пунктов нашего обширного Отечества, часть из которых на сегодняшний день уже перестала принадлежать к великой Российской Федерации. «Привыкаем жить без Украины. / И теперь, быть может, навсегда / нам чужие степи и долины / и Днепра широкая вода», – с горечью пишет поэт об отходе от нас нашей родной республики. Да и только ли это произошло с Украиной? «Ушла от нас Прибалтика», – отмечает в одном из стихотворений Геннадий, а в другом добавляет: «За храмы на душе тоска, / за Днепр обидно. / И этой дикости пока / конца не видно».

Но есть ещё, к счастью, огромные просторы нашей необъятной Родины, черты которой не могут хотя бы мимоходом не отразиться в русской поэзии. Да и только ли об одной нашей России идёт речь? Здесь Волга и Кавказ, Хибини и Сибирь, Америка и Рейхстаг, Донбасс и Башкортостан, Север и Охотское море, Хунзах и Гуниб, Нил и Молога, Уфа и Кандалакша, Байкал и Беслан, Владивосток и Питер, Белое море и бухта Провидения, Красная площадь и ледяная Арктика – всё это оказалось запечатлённым в поэтической книге Геннадия Викторовича Иванова, чтобы мы помнили, что является нашей Родиной и из чего она собирается. И что нам следует делать в этой жизни далее, о том ему подсказывает Арктика, а он затем говорит об этом в своих стихах нам:

*Душа познала, что это такое,
Когда, тоску восторгом утоля,
Глядишь вперёд, на поле ледяное,
На белый мир с надстройкой корабля!..*

*...Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах –
От бренности гнетущей не болит.*

222 *Николай Переяслов*

*Ещё тут всё свежо и незнакомо,
Ещё не искупались мы в крови –
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир – по правде и любви.*

Вот о том, как этот мир нужно устроить, чтобы всё было по правде и любви, поэт и пытается уяснить, опираясь на мудрость нашего народа и заветы нашего Бога. Ведь мы и сами должны понимать, что если Господь устроил нашу жизнь именно так, а не иначе, то в этом кроется некий великий смысл. Поэтому-то одного из нас Он сделал в его жизни художником, другого – слесарем, третьего – солдатом, четвертого – крестьянином, пятого – лётчиком.

«Стою перед огромным стогом, / И навевает строки он. / Зачем Канары, если Богом / Я послан в Бежецкий район? // И неуместен скучный ропот, / Где всё – моё, где всё мне впрок. / Здесь я – пророк, на этих тропах, / А в тропиках – я не пророк».

Поэзия Геннадия Иванова удивительным образом соединяет в себе тоску по поводу исчезновения русских деревень и счастье от встречи с землёй, на которой прошло его детство, печаль от вида зарастающих травами опустевших дворов и обветшавших коровников и вера в то, что жизнь однажды возвратится в эти места и зазвонит здесь звонко смех весёлых ребятишек. «Тоску былую песней не измерить. / Печально и теперь гляжу окрест. / Но всё же, всё же продолжаю верить, / Что Бог не выдаст и свинья не съест».

Стихи Геннадия Иванова необычайно легки и свободны, не обременены тем, чем перегружают свои рифмованные произведения многие из современных поэтов, стремящиеся пленить воображение читателей лихо закрученными метафорами. Строки Геннадия просты и без труда проникают в душу любителей поэзии, они напрямую соединяют человека с окружающим его миром и витающим над всеми Богом. Эти стихи надо бы разучивать в школах, чтобы люди входили в жизнь, понимая, зачем они явились на этот свет и чем они всем и всему в нём обязаны: «Мы всем должны – и бабочкам, и пчёлам. / Мы всем должны – и травам, и цветам. / Всему земному – городам и сёлам. / И вечности, сопутствующей нам. // Мы должники – и как же расплатиться? / Кто красками, кто словом, кто числом. / Но главное, но главное – смириться, / что Божье всё, а не твоё кругом».

Книга Геннадия Иванова обладает таким необыкновенным свойством, что её хочется постоянно перечитывать и цитировать строки из неё для тех, кто с этими стихами ещё незнаком. В каждом его стихотворении есть такие строчки, а то и целые строфы, которые сами просятся для их при-

народного озвучивания. Это, к примеру, такие из них, как следующие:

«Наша память – это тёплый ветер, / По цветам бежит и по пшенице».

«Была такая лёгкость и беспечность, / И к сердцу не примешивался страх. / Река текла. И жизнь текла. И вечность / Текла куда-то в Божьих берегах».

«Теперь свобода – как потрава, / и все деревни – под откос».

«Поэзия – последняя инстанция, / когда уже ничто не помогло».

«Из жизни нашей стали исчезать / Слова: присяга, подвиг, верность. / Мы стали в межеумье зависать. / Какой-то низкой стала современность».

«Ни тропаря, ни кондака не зная, / Стою стыдливо, слушаю, молюсь. / Я за тебя молюсь, родная Русь. / Не может стать бесовскою святая».

«Ложимся, закрыв свои вежды. / Проснёмся в хоромах Отца. / Земля – это берег надежды. / Надейся и верь до конца...»

А некоторые стихотворения Геннадия Иванова хочется декламировать целиком, потому что они настолько цельны и несут читателю мировоззрение автора, что дробить их на части просто невозможно. Как, например, стихотворение о разговорах с рожью:

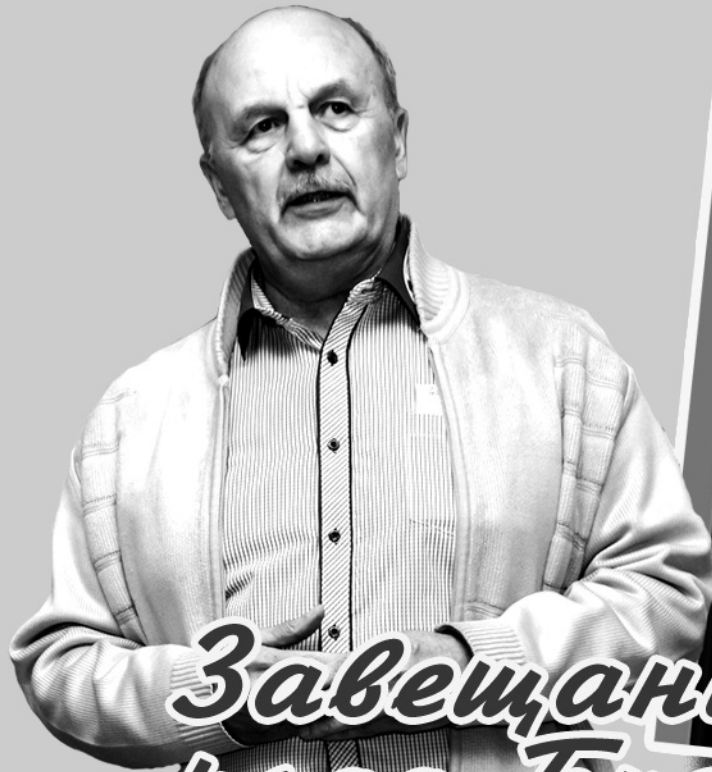
*Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето,
Что скоро поле всё пойдёт под нож...
И вспомнилось из Нового Завета –*

*Что мы колосья тоже, и придёт
Великий срок последней самой жатвы,
Снопы свезут на Божий Обмолот,
И будет всё, о чём читали жадно.*

*И будет всё, о чём читали впрок,
Что страшно и таинственно, и дивно.
Но так должно быть. Милосерден Бог.
Мука и мука – это неразрывно.*

*Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето.
По сердцу зябко пробегает дрожь –
То дрожь любви из Нового Завета.*

Книга стихов Геннадия Иванова «Горит костёр» является одной из лучших поэтических книг в России последнего времени, и широкое знакомство с ней было бы очень полезным для многих любителей русской поэзии.

Завещание рода Буерашиных

О новом романе Николая Иванова «Реки помнят свои берега» уже немало было написано в прессе. Свои мнения о нём высказали Ольга Горелая, Алексей Колобродов, Мария Бушуева, Эдуард Анашкин, Иван Родионов и целый ряд других писателей. Лаконичное, но очень ёмкое предисловие к книге написал искренне любимый народом поэт и актёр Михаил Ножкин. Творчество Николая Фёдоровича всегда вызывает отклики как рядовых читателей, так и профессиональных критиков. Его книги «Чёрные береты», «Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре», «Афганский шторм», «Спецназ, который не вернётся», «Наружка», «Зачистка», «Контрольный выстрел» и целый ряд других захватывающих книг давно стали у читателей одними из лучших в ряду бестселлеров. У одних из читавших эти книги (а это большинство) они вызывают стопроцентное признание и восторженность, у других же (а есть немного и таких) они вызывают только раздражение и резкую критику (скорее всего, это происходит из-за его нахождения на должности председателя Союза писателей России, что вызывает в них откровенно острую зависть), но равнодушными его повести и романы не оставляют никого. И здесь надо сразу сказать

доброе слово о московском издательстве «Вече» (главный редактор – Сергей Дмитриев), которое не побоялось выпустить в свет необыкновенно жёсткий и предельно справедливый роман, открыто говорящий перед лицом нашей власти и всего мира о тех, кто разрушал и, в конце концов, разрушил нашу великую державу.

Вот, в частности, Николай Иванов пишет в романе «Реки помнят свои берега» о знаменитом в своё время Президенте России Борисе Ельцине, который «ещё вчера ломавший хребты тем, кто не желал вступать в партию, сегодня водит толпы демонстрантов по Москве, страстно обличая то, к чему сам ещё вчера всех призывал».

А вот он пишет о тех, кто «пониже и пожиже»: «Егор Гайдар, внук яростного борца за советскую власть Аркадия Гайдара и сын бессменного руководителя военного отдела газеты «Правда» Тимура Гайдара, сам долгое время проработавший в журнале «Коммунист», назвал советские годы химерой и возглавил реформы против того, за что боролись его предки и он сам».

Вот он говорит о других реформаторах нашего государства, которые стали откровенными перебежчиками, отрекшимися от того социального строя, который они сами ещё вчера пропаган-

дировали всему миру: «Генерал Дмитрий Волко-гонов, отвечавший в вооружённых силах за идеологию, написавший пафосные книги «Советский солдат» и «Доблесть», которые по его же указаниям заставляли солдат поголовно конспектировать, лично же и возглавил комиссию по... ликвидации этих самых политорганов в армии и на флоте.

Под Геннадия Бурбулиса, заставлявшего ещё вчера учить студентов в свердловском институте марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм, на американский манер создали должность госсекретаря – с неё он и клеймил советский строй.

«Отец» перестройки Александр Яковлев – вчерашний член Политбюро ЦК КПСС...

История России, вне сомнения, не знала примера, когда одномоментно стали перевёртышами десятки людей, оказавшихся в высших эшелонах власти. Океан способен абсорбировать грязь и самоочищаться, а тут в руководстве страны оказались предатели, страну не знавшие и не любившие. Порядочные люди, вообще-то, стреляются, когда к ним приходит прозрение и они вдруг убеждаются, что вели народ не в ту сторону. В крайнем случае, затихают и уединённо отмаливают грехи, совестливо отказываясь от учёных званий и генеральских погон, заработанных на «ложных» основах и учениях. Здесь же в церковь шли лишь под телекамерами, а право стреляться оставляли тем, кто не изменил своим убеждениям...»

Отдельные главы романа Николая Иванова читаются откровенно тяжело, но это не потому, что у автора тяжёлый слог или неуклюжий стиль, с этим у него всё в порядке, а потому, что в них обнаруживается очень много правды и боли. Столько, что после прочтения нескольких страниц романа приходится делать перерыв, чтобы сделать несколько глубоких вдохов и отдышаться. Да и как не сжиматься сердцу, когда опять погружаешься в события, рассказывающие о разрушении нашего Отечества. Свидетелем этого разрушения и был главный герой нового романа Иванова Егор Буерашин:

«Ни речей, ни гимнов, ни благодарности, ни сожаления. Шесть размашистых подписей в гробовой тишине – и всё! Оказалось, чтобы прекратить существование империи, не нужны ни войны, ни миллиарды – надо просто вырастить амбициозных политиков, столкнуть их лбами, заставить их грызть друг друга. Старееющее Политбюро не захотело делиться властью с выросшим подростком, и молодая поросль сама рванула

вверх так, что затрещали суставы-сучья у вековых дубов. Хотя какая молодая! И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич десятилетиями подвизались на ниве политпросвещения и пропаганды КПСС. Амбиции, всё же неумные амбиции и месть двигали ими в этот день...

Заместитель главного редактора белорусской «Народной газеты» Валерий Дроздов по журналистской привычке зафиксировал время подписания документов, а по сути, распада СССР – 14 часов 17 минут. По иронии судьбы на циферблате его часов были прорисованы контуры Советского Союза...»

Страницы, касающиеся дней развала нашего СССР, воспринимаются словно горький реквием писателя по ушедшему в прошлое государству, но на фоне этих событий ещё ярче проступают эпизоды, рисующие жизнь нашего народа, брошенного страной на растерзание тех, кто дорвался до политической и экономической власти. Но как бы ни было тяжело народу преодолевать все выпавшие на его долю трудности, а большинство людей остаются нормальными честными людьми, пытающимися создавать своё так тяжело достигаемое им счастье...

...Что же касается литературного стиля Николая Иванова, то он не только не был тяжёлым, но и вообще, можно сказать, был по-своему – песенным. В тех абзацах, где речь не шла о развале государства, наглости новых олигархов, беспределе милиционеров, изнасиловании невинной учительницы и тому подобных болевых вещах, его стиль на фоне происходящих в романе событий журчал, как лесные пичужки или скользящий между гладкими камнями быстрый ручей. И встречая среди глав о тяжести бытия постперестроечной жизни людей с описаниями живой природы, душа словно оттаивает, понимая, что в рычащем по-волчьи мире есть ещё и нечто родственное сказочной поэзии. И такие абзацы в романе Николая Фёдоровича то и дело открываются перед взором читателя, как внезапно попадающиеся ему на пути кем-то оброненные клады.

«Ручей то подныривал под поваленные деревья, то протискивался меж скал и волочил себя по камням, чтобы через несколько метров увязнуть в топи, дав отдохнуть своему побитому, изломанному телу, – писал Николай Иванов. – Наглотавшись болотной тухлятины, сам же и вытаскивал себя из вязкой тины, чтобы вновь биться лбом о новые стволы и скалы. Ему бы уgomониться, свернуться калачиком в каком-нибудь

укромном местечке и стать озерцом на радость себе и природе...

Но манила горной ручей неведомая даль, ждала его у подножия Анд почтенная дама сверхбальзаковского возраста – Магдалена, считающаяся самой большой рекой Колумбии. Ради встречи с ней ручей и готов был настырно выбираться из сельвы...

Ручьям и рекам в сельве другая напасть: как ни прячься в заросли из бамбука, кокосовых и слоновых пальм, под коряги каучуконосов, как ни старайся идти гладью, без шума, но в любом случае к ним приползёт, прискачет, прилетит великое множество всякой твари по паре. И за право припасть губами или клювом к влаге, а значит, за право выжить в сухой сезон на берегах идут жесточайшие схватки...»

И такие же, но даже ещё более жестокие схватки беспрерывно ведутся на всей земле и между людьми, постоянно воюющими за клочки чужой земли, за леса со строительными соснами, за реки с рыбами, за моря с кораблями и подлодками, за небеса, в которых гудят самолёты, за власть над народами.

А как вдохновенно описывает Николай Фёдорович начало внезапно начинающегося в лесу ливня, застигнувшего героя с молоденькой учительницей Верой Сергеевной посреди пионерского лагеря! «Пионервожатая протянула для знакомства руку Егору, но тут громынуло так, что даже дым от костра пригнулся к пустым консервным банкам, защитным частоколом выложенным вокруг огня. Егора и Веру обдало водяной пылью, обычно клубящейся впереди ливня, и тут же наверху застучало, закрипело, завозилось – дождь с ветром обрушились на деревья, выкручивая им ветви, выворачивая наизнанку листья, сгибая непокорные верхушки. В расшатанные в небе щели обрушились потоки воды...»

Поистине, автор книги «Реки помнят свои берега» является в душе настоящим поэтом, высевающим по полю своей жёсткой прозы сияющие поляны стихов. Натякаешься на такие полянки, а на них что ни строчка – то яркая метафора, красочное сравнение, запоминающийся образ. Такой, как нарисованный Николаем Ивановым в своём романе образ незабываемого утреннего солнца:

«Возвращаться с девушками в дом солнце поостереглось – прищемят скрипучей дверью, как хвост кошке! Заглянуло через ветки черёмухи в окошко, пробежалось по столу с расставленными перед завтраком пока ещё пустыми тарелками, обожглось на плите паром от кипящей кар-

тошки. Обогнуло липучку с пойманными мухами – скорее всего, висевшую со времён Советского Союза. Сколько ещё гадости она из последних сил поймает в новом времени? Дотянулось до телевизора и печатной машинки, стоявших рядом на столе с выдернутыми из розеток шнурами. Телевизором командовали все кому не лень, «Оптиму» облюбовала Аня, которая живёт с царём в голове. Последний раз сочиняла что-то про крылатых ангелов, из которых Бог выбрал самых смелых и отправил охранять Землю, превратив им крылья в погоны...»

Будучи остросоциальным писателем, Николай Фёдорович не низводит свою прозу до голы публицистики, в которой у многих авторов часто присутствуют только одни сугубо политические факты. Его книга откровенно дышит, живёт как зелёный лес, и даже образы сегодняшних городов в его книге предстают перед читателем какими-то необыкновенно сказочными, точно кадры разноцветных мультфильмов. Увидишь однажды – и уже никогда не забудешь, даже если никогда не был в этом городе и не уезжал с этого вокзала:

«Питер выпустил «Красную стрелу», несмотря на её боевое название, в сторону Москвы медленно, мягко. Тетива не зазвенела, лук-вокзал не спружинил, зато лобастый наконечник с красной звездой между двух глазастых, наполненных электрическим светом фар, легко прошёл витиеватый рельсовый лабиринт. И только после этого начал набирать скорость и вытягиваться в струнку. Обман в названии экспресса скрывался именно в этом: не тратить силы на стрелках и переездах, беречь их для простора, когда ничто не помешает вонзиться в ночное пространство между двумя столицами...»

Книга Николая Иванова разворачивает перед нами непростые картины жизни рядовых людей, которые волей судьбы оказываются кто в больнице, кто в тюрьме, кто где-то на далёких просторах ельцинской России. И на фоне этих тяжёлых эпизодов романного сюжета вдруг то в одном, а то в другом месте возникают радующие душу поэтические образы, такие, как, например, взлетающие на холмы джипы с дышащими, как у лошадей, боками:

«Машины промчались по селу безостановочно и вырвались с асфальта на две полевые песчаные полосы, ещё не затянутые муравой. Остановились на пригорке, с которого одинаково отрывались и лес, и село. Обленившаяся без ежедневных тренировок пыль только в этот момент догнала их, упала бездыханно на покатые бока машин. Брезгливо стряхивая её с себя мелкой

226 *Николай Переяслов*

дрожую, внедорожники медленно проехали ещё несколько метров.

Первым открыл боковое стекло Никита...

Борис тоже не пожелал ступить на землю, соседствующую с радиоактивным лесом. Показал поднятым вверх пальцем – согласен, но делать здесь особо нечего... Джипы синхронно развернулись и медленно, больше не тревожа упавшую в обморок после сумасшедшей гонки пыль, покатали под горку...»

Можно и дальше выбирать из романа сочно звучащие фрагменты текста, но лучше, наверное, каждому читать эту книгу самостоятельно. Потому что она этого стоит. Бывший разведчик Егор Буерашин, его отец Фёдор, племянники Анька и Васька, молодая учительница Вера со своими младшими братом и сестрой, её наглые насильники, жители села Журиничи, сотрудники ГРУ и налоговой службы, Ельцин и его команда, циничный милиционер Околелов и местный магнат Борис – многоликая вереница положительных и отрицательных персонажей романа отчётливо проходит перед читателями, прорисовывая контурами своих судеб характер тяжёлых девяностых годов. Но как бы трудно ни было, как бы жизнь ни ломала страну и людей, а доброта, счастье и любовь всё равно воцаряются над миром. И, глядя на вернувшуюся после дождей в старое русло реку, отец Егора Буерашина говорит своей внучке Ане, словно открывает ей своё завещание:

«Реки помнят свои берега, Аннушка, – улыбка

не сходила с губ Фёдора Максимовича. – Увели мелиораторы её течение ближе к полям, а вот пошёл бурный поток после грозы, дал воде силы – и всё встало на свои места.

– Хорошо, – повернулась к Женьке Аня.

– Вот и вы не меняйте своих берегов, – оглядел всех Фёдор Максимович. – Не предавайте свой род, страну, историю...»

И это простое, но жизненно важное наставление-завещание роду Буерашиных адресуется не только Аньке и Женьке, а гораздо более широкому кругу людей. Всему селу Журиничи. Городу Брянску. Москве и Санкт-Петербургу. И каждому из нас с вами...

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ

родился 12 мая 1954 года.

Поэт, критик, прозаик,

переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов.

Член Союза журналистов Москвы,

Международной Федерации журналистов,

Международной Ассоциации писателей и публицистов.

Член Славянской литературной и артистической

Академии в Варне (Болгария).

Автор свыше 40 книг различного жанра,

а также большого количества публикаций в газетах, журналах и альманахах

России, Беларуси, Казахстана, Грузии, Болгарии, США, Германии

и других стран.

Руководитель ряда творческих семинаров,

совещаний и мастер-классов для молодых авторов.

Вёл литературную студию в районе Москвы Марьино.

